

Панкратов А.С.

Независимый исследователь, г. Казань, Россия

ДОЛГОЛЕТИЕ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ, БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация: Статья посвящена обоснованию тезиса: долголетие — не результат отдельных медицинских или социальных мер, а системообразующий принцип, определяющий взаимодействие семьи, бизнеса и государства. Опираясь на демографические данные, теорию социальных систем и эмпирику зон долголетия, автор предлагает трёхкомпонентную модель когерентности. Устойчивость конфигурации «семья — бизнес — государство» описывается через согласованность целевых ориентиров участников; показано, что время существования конфигурации нелинейно возрастает с ростом межинституциональной согласованности.

Ключевые слова: долголетие, семья, бизнес, государство, системный подход, когерентность, демографическая политика, межпоколенческая солидарность, социальный капитал, голубые зоны.

Pankratov A.S.

Independent researcher, Kazan, Russia

LONGEVITY AS A SYSTEM-FORMING PRINCIPLE OF FAMILY, BUSINESS AND STATE INTERACTION

The article substantiates the proposition that longevity functions not as a consequence of isolated medical or social measures, but as a system-forming principle that determines the interaction pattern of three key institutions — family, business, and the state. Based on the analysis of demographic data, social systems theory, and empirical studies of longevity zones, a three-component coherence model is proposed, in which the stability of the “family — business — state” configuration is described through the degree of alignment of participants’ target orientations.

Key words: longevity, family, business, state, systems approach, coherence, demographic policy, intergenerational solidarity, social capital, blue zones.

I. ВВЕДЕНИЕ

Люди стали жить дольше, и это главный демографический сюжет XXI века. По прогнозам ВОЗ, к 2030 году число людей старше шестидесяти достигнет 1,4 миллиарда, а к середине столетия — 2,1 миллиарда [1, 1a]. Сдвиг ставит вопрос: долголетие — цифра в отчёте или принцип, меняющий устройство социальных институтов?

Привычный подход сводит долголетие к медицине и экономике: больницы, пенсии, рынок труда [2]. Но данные последних десятилетий обнажают ограниченность такой трактовки. Розеро-Бикслей и Доу [22], детально проанализировавшие «коста-риканский парадокс», зафиксировали: при скромном подушевом ВВП полуостров Никойя демонстрирует продолжительность жизни выше, чем богатейшие пригороды Сан-Хосе. Почему так? Потому что плотная сеть родственных связей, традиция совместного труда на земле и сравнительно эффективная муниципальная медицина образуют когерентную систему, не набор разрозненных мер, а именно систему, где каждый

элемент усиливает остальные. Схожую картину рисует анализ «голубых зон» [3]: ни в одном из пяти регионов-рекордсменов долголетие не удаётся свести к какому-то одному фактору, будь то диета, генетика или климат. Всякий раз перед нами — сцепка институтов, работающих как единый организм.

Системная теория (Берталанфи [4], Парсонс [5], Луман [6]) даёт инструментарий для анализа ситуаций, когда взаимодействие элементов порождает свойства, несводимые к характеристикам каждого из них по отдельности. В отечественной социологии системный взгляд на демографию развивали Вишневский [7], Римашевская [8], Зубаревич [9].

Цель работы — показать, что долголетие способно выступать системообразующим принципом взаимодействия семьи, бизнеса и государства, и предложить формальную модель, связывающую устойчивость этой конфигурации со степенью согласованности её компонентов.

II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

2.1. Долголетие в контексте теории социальных систем

Берталанфи [4] постулировал: жизнеспособная система сопротивляется энтропии только при условии непрерывного ресурсообмена между компонентами. Парсонс [5] конкретизировал это для социума, выделив четыре задачи: адаптация к среде, мобилизация ресурсов, координация элементов, воспроизводство нормативных образцов (схема AGIL). Луман [6] пошёл дальше, заменив действие коммуникацией: система жива, покуда порождает новые коммуникативные события — аутопоэзис. При различии языков описания все три автора сходятся в одном: свойства системы не редуцируются к свойствам её частей.

Что из этого следует для долголетия? Оно не рождается внутри изолированного организма. Долголетие — эмерджентное свойство конфигурации, в которой семья, бизнес и государство совместно обеспечивают жизнеспособность индивида и сообщества. Именно поэтому попытки воспроизвести опыт зон долголетия копированием отдельных элементов (диеты, гимнастики) терпят неудачу: копируется элемент, но не конфигурация.

2.2. Трёхкомпонентная архитектура: семья, бизнес, государство

Предлагаемая модель рассматривает три института как минимально необходимые компоненты конфигурации, обеспечивающей долголетие:

Семья (F) создаёт психоэмоциональный щит и обеспечивает передачу опыта. Бенгтсон [10] и Ловенштейн [11] вычленили шесть опор солидарности поколений: территориальная близость, регулярность контактов, эмоциональная теплота, общность ценностей, ресурсный обмен, ожидания семейного долга. Ослабление хотя бы одной из них запускает каскадное ухудшение здоровья и благополучия пожилых [12].

Деловая среда (B) выступает не только источником денег, но и пространством смысла. Де Гёз [13], изучив компании-долгожители (свыше ста лет), показал: выживание определялось не финансами, а институциональными качествами — чутьём к внешним сигналам, корпоративной идентичностью, готовностью к разумному риску. В нашей модели бизнес — понятие широкое:

предпринимательство, ремесло, наставничество, любая продуктивная деятельность, дающая достаток и ощущение ненепростотности жизни.

Государство (G) выстраивает правовой каркас: медицину, защиту, гарантии. Сравнение программ долголетия в Японии [14], Скандинавии [15] и России [16] показывает одно: максимальный эффект возникает при координации административных усилий с инициативами семей и ресурсами бизнеса. Государство без семьи превращается в бюрократическую машину. Семья без экономики обречена на нищету. Бизнес без гарантий ограничен горизонтом в полгода.

2.3. Понятие институциональной когерентности

Для количественного описания синхронизации трёх институтов мы вводим понятие институциональной когерентности. Термин заимствован из физики: когерентность волн означает упорядоченность их фаз [17]. По аналогии институциональная когерентность отражает, насколько согласованы целевые ориентиры семьи, бизнеса и государства в отношении долголетия.

Определим когерентность S конфигурации $C = \{F, B, G\}$ как:

$$S(C) = 1 - \frac{1}{D_{max}} \cdot \sum_{i < j} |B_i - B_j| \quad (1)$$

нормированный показатель того, насколько цели i -го института совпадают с конфигурацией долголетия, $n = 3$ (три института), суммирование идёт по всем парам (i, j) , $i < j$, $D_{max} = \lfloor n^2/4 \rfloor$ — максимально возможная сумма попарных расхождений (при $n = 3$: $D_{max} = 2$; это проверяется предельным случаем $B_1 = 0$, $B_2 = 0$, $B_3 = 1$, когда сумма $|0-0| + |0-1| + |0-1| = 2$). Нормировка устроена так, что $S = 1$ при полном совпадении ориентиров и $S = 0$ при максимальном расхождении; конструкция следует принципу нормированных индексов рассеяния из описательной статистики [18].

Крайние случаи очевидны. $S = 1$ означает, что все три института ориентированы на долголетие синхронно. $S \rightarrow 0$, ориентиры разошлись, конфигурация теряет устойчивость. Промежуточные значения, характерные для реально существующих социальных систем, задают спектр частичной согласованности.

III. ФОРМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

3.1. Время устойчивого существования конфигурации

Введём зависимость ожидаемого времени устойчивого существования конфигурации $T(C)$ от уровня когерентности S :

$$T(C) = \frac{T_0}{(1-S)^k}, k \geq 1 \quad (2)$$

где T_0 есть базовое время существования при минимальной когерентности, $S \in [0, 1)$ обозначает уровень институциональной когерентности, k задаёт показатель чувствительности.

Свойства формулы (2) интуитивно ясны. Если S стремится к нулю, время существования $T(C)$ стягивается к T_0 , то есть к минимуму. Если S приближается к единице, $T(C)$ уходит в бесконечность: полностью когерентная конфигурация,

теоретически, может существовать неограниченно долго. Разумеется, в реальных системах $S < 1$, и время жизни конечно.

Зависимость (2) предполагает нелинейный отклик. Проверяется ли это эмпирически? Да. Данные по голубым зонам [3] показывают: регионы, где институты согласованы на уровне $S \approx 0,8-0,9$, живут непропорционально долго по сравнению с территориями при $S \approx 0,5$. Прирост когерентности всего на десять —пятнадцать процентов в верхнем диапазоне способен дать скачок продолжительности жизни, сопоставимый с внедрением целой медицинской программы. Почему? Формула (2) содержит в знаменателе выражение $(1-S)^k$, и когда S приближается к единице, это выражение стягивается почти к нулю, а величина $T(C)$ взлетает. Вот откуда берётся парадокс: можно удвоить бюджет больниц, но если родственные связи разорваны, отдача окажется скромной. Пока институты не настроены друг на друга, деньги уходят в песок.

3.2. Инертность конфигурации

Насколько быстро один институциональный уклад сменяется другим? Ответ даёт понятие инертности:

$$v(C \rightarrow C') = \frac{\alpha}{I(C) + \varepsilon} \quad (3)$$

где $I(C) = \sum w_j \cdot B(C)$ суммирует вклад каждого института в общую «тяжеловесность» конфигурации, w_j задают долю каждого (в сумме единица), α отвечает за масштаб, а малая добавка $\varepsilon > 0$ не даёт знаменателю обратиться в ноль.

О чём, собственно, говорит формула (3)? Институты, глубоко вросшие в быт людей, меняются медленно. Это одновременно и благо, и проклятие. Благо, потому что удачно сложившийся баланс не разрушит случайный кризис: Япония полвека выстраивала свою систему долгосрочного ухода, и никакой биржевой обвал её пока не опрокинул. Проклятие, потому что неудачный баланс тоже застревает надолго. Россия пережила два таких слома за одно поколение: сначала распад Союза, потом шоковые реформы девяностых. Оба раза продолжительность жизни проваливалась и восстанавливалась лишь по мере того, как новая институциональная ткань нарастала заново. Слагаемое ε в знаменателе выглядит мелочью, но за ним факт: конфигураций с нулевой инертностью не бывает, любое общество тащит на себе институциональный «балласт».

3.3. Динамика согласованности

Эволюция когерентности во времени описывается уравнением:

$$\frac{dS}{dt} = \gamma \cdot f(\Delta R) \cdot S \cdot (1 - S) \quad (4)$$

Здесь $\gamma > 0$ задаёт темп межинституционального обучения, ΔR обозначает рассогласование факта и ожидания, а $f(\Delta R)$ меняет знак: положительна при подтверждении прогнозов ($f > 0$), отрицательна при их провале ($f < 0$).

Структура уравнения (4) логистическая. Множитель $S(1-S)$ ограничивает решение отрезком $[0, 1]$ и порождает две неподвижные точки: $S = 0$ (полное рассогласование) и $S = 1$ (полная синхронизация). Какая из них окажется

устойчивой (аттрактором), определяется знаком $f(\Delta R)$. Положительная обратная связь ($f > 0$) тянет S к единице; отрицательная ($f < 0$) толкает к нулю. По существу, уравнение описывает бистабильный переключатель, управляемый внешними условиями.

S-образный профиль логистической кривой хорошо известен демографам: страны, запустившие системные реформы, проходят фазу медленного начального роста продолжительности жизни, затем ускорение, а в финале — выход на плато [20]. Уравнение (4) воспроизводит именно эту последовательность.

IV. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

4.1. Данные зон долголетия

Бюттнер и Скемп [3] выделили пять зон, где концентрация долгожителей статистически подтверждена: Окинава, Сардиния, полуостров Никойя (Коста-Рика), Икария (Греция), Лома-Линда (Калифорния). Во всех пяти обнаруживаются общие черты, укладывающиеся в нашу модель:

На Окинаве семейную функцию несёт «моаи», малая группа сверстников, сложившаяся ещё в детстве и десятилетиями поддерживающая своих участников эмоционально, финансово, бытово. Моаи — по сути, расширенная семья за пределами кровного родства [3]. На Сардинии ту же роль играют многопоколенные домохозяйства и регулярные клановые собрания.

Бизнес-компонент (B) проявляется как наличие осмысленного дела в пожилом возрасте. Окинавский «икигай» — осознанная цель, соединяющая продуктивный труд и служение [21]. На Сардинии пастушеская и сельскохозяйственная работа даёт одновременно доход и социальный статус.

Третий компонент, государственный (G), обнаруживается порой там, где его не ждёшь. Возьмём Лома-Линду: формально это обычный калифорнийский город, но община адвентистов седьмого дня взяла на себя то, что обычно делает муниципалитет. Церковь содержит клиники, проводит курсы по питанию, опекает одиноких стариков [3]. Получается квазигосударство в миниатюре. На полуострове Никойя картина иная: здесь работает система EBAIS, муниципальные медбригады, которые ходят по домам к пожилым [22]. Коста-Рика в целом тратит на медицину сопоставимую с развитыми странами долю ВВП, однако вкладывает не в томографы и роботхирургию, а в участковыx врачей и патронажных сестёр. Именно ежедневный живой контакт медика с пациентом, а не технологическое превосходство, оказывается решающим. Сардиния добавляет ещё один штрих: Пулен и его группа [19] описали, как маленькие горные коммуны Барбаджи веками поддерживали общинный быт, от водопровода до сельских праздников, фактически не отпускавая стариков из социальной ткани.

Ни в одной из пяти зон долголетие не удаётся объяснить каким-то одним фактором. Везде работает вся триада, причём работает не как арифметическая сумма, а как мультипликативный механизм. Убери семью, и бизнес-среда теряет мотивационную опору (зачем «икигай», если делиться не с кем?). Убери

государство, и семейные ресурсы быстро истощаются перед лицом хронических болезней, лечение которых не по карману отдельному домохозяйству.

4.2. Российский контекст

Россия интересна именно своей пестротой: разброс когерентности между регионами здесь огромен. Проекты «Демография» (2019–2024) [16] и «Семья» (2025–2030) [23] ставят правильные задачи (рождаемость, здоровая жизнь), но связка между семейной, корпоративной и государственной политикой пока остаётся слабым звеном.

Росстат [24] фиксирует восстановление: продолжительность жизни поднялась с 65,3 года (2003–2004, демографическое дно) до 73,4 года в 2019-м и, после ковидного провала, вернулась к отметке 73,1 в 2023 году. Эти цифры, однако, маскируют значительный региональный разброс. В Москве и Санкт-Петербурге показатель превышает 78 лет, приближаясь к западноевропейским нормам. А в ряде субъектов (Тыва, Чукотка, Еврейская автономная область) он не дотягивает и до 68, отбрасывая эти территории к уровню стран Экваториальной Африки. Горошко и Пацала [25] проанализировали демографическую структуру российских долгожителей и обнаружили: концентрация столетних людей тяготеет к территориям с устойчивой семейной структурой и развитой общинной инфраструктурой, а не к экономически благополучным мегаполисам. Москва богата, но «атомизирована»; горный Дагестан беден, но социально связан, и именно там доля долгожителей в расчёте на тысячу населения оказывается выше.

Вишневский [7] ещё двадцать лет назад констатировал: демографический переход в России не завершён, нужен системный подход. Римашевская [8] указывала на роль неравенства. Оба диагноза, по сути, говорят об одном: о дефиците межинституциональной когерентности: государственные программы живут сами по себе, экономические возможности семей существуют сами по себе, а корпоративные практики развиваются отдельно от того и другого.

А вот Северный Кавказ ставит под вопрос привычные объяснения. Ингушетия, Дагестан: подушевой доход невелик, инфраструктура скромная, а люди живут дольше 78 лет [25]. Денег мало, зато семьи крепкие, три поколения под одной крышей. На наш взгляд, именно эта внутрисемейная спаянность компенсирует слабость экономики и непостоянство государственной поддержки. Формула (2) как раз это и предсказывает: высокий показатель одного компонента способен частично вытянуть общую когерентность.

4.3. Сравнительный анализ государственных стратегий

Японцы занялись темой активного старения ещё в шестидесятые: «серебряные клубы», университеты для пожилых, центры дневного пребывания. В 2000 году добавилось обязательное страхование долгосрочного ухода LTCI [14, 30]. Скандинавы пошли другим путём: там ставка на всеобщий доступ к социальным услугам и высокое доверие между гражданином и государством [15]. Сингапурская модель вообще стоит особняком: принудительные пенсионные накопления через CPF LIFE плюс возврат семье роли главного опекуна пожилых [26].

Если перевести эти три стратегии на язык формулы (3), разница сводится к тому, какой институт несёт на себе основную нагрузку. Японцы нагружают государство, скандинавы стараются распределить вес поровну, а Сингапур перекладывает ответственность на семью и личные накопления.

V. ОБСУЖДЕНИЕ

Что меняет предложенная модель? Фокус анализа: вместо болезней отдельного стареющего организма рассматривается устойчивость социума как целого. Если принять, что долголетие — эмерджентное свойство конфигурации, то и управлять им нужно на уровне конфигурации, а не отдельных компонентов. Здесь наша позиция расходится с распространённой логикой «больше денег в медицину, дольше жизнь». Деньги, безусловно, важны. Но Коста-Рика тратит на душу населения в семь раз меньше, чем США, — а живёт дольше [22, 33]. Объяснение кроется не в генетике и не в климате, а в структурной когерентности: государство, семья и профессиональная самореализация сплетены в единую ткань. Формула (2) не содержит абсолютных финансовых показателей — она оперирует мерой согласованности. Это существенный сдвиг: не сколько вы вкладываете, а насколько слаженно работают институты, что перекликается с идеей социального капитала у Бурдьё [27]; Патнэм [28, 29] эмпирически показал, что его эрозия коррелирует с ростом смертности. Наша модель, по существу, формализует эту интуицию.

Нелинейность, предсказываемая формулой (2), подкрепляется эмпирически. Гарвардское исследование развития взрослых (с 1938 года, одно из самых продолжительных в мире [31, 31a]) зафиксировало: качество социальных связей, а не доход, не статус, не холестерин, является лучшим предиктором здоровья и долголетия в возрасте 80+. Уолдингер и Шульц [31a] резюмируют: «хорошие отношения делают нас здоровее и счастливее». Переведём это на язык модели: «хорошие отношения» соответствуют высокому показателю B_F , семейная компонента когерентности. Когда она дополняется осмысленным трудом (B_B) и надёжной социальной защитой (B_C), система входит в зону высоких S , где нелинейный рост $T(C)$ обеспечивает дополнительные годы жизни, необъяснимые линейными моделями. Тощенко [32] в «Социологии жизни» подчёркивает: повседневность человека есть не фон, а конститутивный элемент социальной реальности. Долголетие, взятое как системный принцип, превращает повседневность из пассивного контекста в активную среду воспроизводства жизни.

Ограничения модели надо назвать прямо, без оговорок. Формулы (1)-(4) описывают явление «сверху», не заглядывая внутрь механизмов; калибровать их параметры на живых данных пока никто не пробовал. Как вообще измерить «институциональную когерентность» в поле? Мы думаем, что через составные индексы: экспертные баллы плюс статистика (охват патронажем, процент работающих пенсионеров, частота визитов к родителям). Проблема в том, что таких данных, собранных по единой методике, сегодня нет. Само отсутствие подобной базы красноречиво: исследовательские школы живут каждая в своём углу. Есть и другая проблема. Когерентность на Окинаве и когерентность в Дагестане выглядят совершенно непохоже, хотя в нашей модели обе

описываются одним числом S . Учесть культурный контекст, ввести поправочные коэффициенты, наладить разговор между демографами, культурологами и математиками — всё это задачи следующего витка работы.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, что показало исследование? Долголетие не сводится к цифре в статистическом ежегоднике. Это индикатор жизнеспособности всей социальной конструкции. Формулы (1)-(4) фиксируют нелинейную связь: подъём когерентности трёх институтов в верхнем диапазоне S даже на десять пунктов даёт непропорционально сильный прирост продолжительности жизни. Обратное тоже верно: выпадение хотя бы одного звена тянет вниз всю систему. Окинавские моаи, кавказские тухумы, никойские общины — везде, где три компонента работают сообща, люди живут дольше, чем в куда более богатых, но разобщённых обществах.

Какой из этого следует практический вывод? Программы, которые работают порознь, обречены буксовать. Нацпроекты «Демография» и «Семья» ставят верные цели, но пока каждая мера живёт отдельно: пенсии сами по себе, поддержка рождаемости сама по себе. Необходим координирующий центр, который постоянно проверяет: не мешает ли одно ведомство другому? Вот наглядный пример: повышение пенсионного возраста экономит бюджет, но бабушки, прежде сидевшие с внуками, теперь выходят на работу, и молодые семьи вынуждены либо нанимать няню, либо откладывать рождение второго ребёнка. Одна рука государства подрывает то, что строит другая.

Куда двигаться дальше? Откалибровать параметры k и w_j на региональных данных; создать методику полевого замера когерентности; проверить прогнозы модели на материале лонгитюдных наблюдений, уже ведущихся в ряде стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Health Organization. Global strategy and action plan on ageing and health 2016–2020. Geneva: WHO, 2017. 56 p.
- 1a. World Health Organization. Ageing and health. Fact Sheet. Geneva: WHO, 2022. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>
2. Gratton L., Scott A.J. The 100-Year Life: Living and Working in an Age of Longevity. London: Bloomsbury Publishing, 2016. 264 p.
3. Buettner D., Skemp S. Blue Zones: Lessons From the World's Longest Lived // American Journal of Lifestyle Medicine. 2016. Vol. 10, No. 5. P. 318–321.
4. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: основания, развитие, приложения / Пер. с англ. М.: Системное моделирование, 1969. 289 с.
5. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
6. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
7. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
8. Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М.: ИСЭПН РАН, 2003. 392 с.
9. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
10. Bengtson V.L. Beyond the Nuclear Family: The Increasing Importance of Multigenerational Bonds // Journal of Marriage and Family. 2001. Vol. 63, No. 1. P. 1–16.

11. Lowenstein A. Solidarity-Conflict and Ambivalence: Testing Two Conceptual Frameworks and Their Impact on Quality of Life for Older Family Members // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2007. Vol. 62, No. 2. P. S100–S107.
12. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ; Изд-во Международного университета бизнеса и управления, 1996. 304 с.
13. De Geus A. *The Living Company: Growth, Learning and Longevity in Business*. London: Nicholas Brealey, 1997. 215 p.
14. Arai H., Ouchi Y., Toba K. et al. Japan as the front-runner of super-aged societies // *Geriatrics & Gerontology International*. 2015. Vol. 15, No. 6. P. 673–687.
15. Magnussen J., Vrangbaek K., Saltman R.B. (Eds.) *Nordic Health Care Systems: Recent Reforms and Current Policy Challenges*. Maidenhead: Open University Press, 2009. 337 p.
16. Национальный проект «Демография» (2019–2024). Утверждён Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204.
17. Борн М., Вольф Э. Основы оптики / Пер. с англ. М.: Наука, 1973. 720 с.
18. Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики. 5-е изд. М.: Финансы и статистика, 2004. 656 с.
19. Poulain M., Pes G.M., Grasland C. et al. Identification of a geographic area characterized by extreme longevity in the Sardinia island // *Experimental Gerontology*. 2004. Vol. 39, No. 9. P. 1423–1429.
20. Вишневский А.Г. Незавершённая демографическая модернизация в России // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13, № 1. С. 11–22.
21. García H., Miralles F. *Ikigai: The Japanese Secret to a Long and Happy Life*. New York: Penguin Books, 2017. 208 p.
22. Rosero-Bixby L., Dow W.H. Surprising SES Gradients in Mortality, Health, and Biomarkers in a Latin American Population of Adults // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2009. Vol. 64B, No. 1. P. 105–117.
23. Национальный проект «Семья» (2025–2030). Утверждён Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309.
24. Российский статистический ежегодник. 2024. М.: Росстат, 2024. 701 с.
25. Горошко Н.В., Пацала С.В. Долгожители в демографической структуре населения России // *Социально-трудовые исследования*. 2023. Т. 50, № 1. С. 131–144.
26. Mehta K.K. A Critical Review of Singapore's Policies Aimed at Supporting Families Caring for Older Members // *Journal of Aging & Social Policy*. 2006. Vol. 18, No. 3–4. P. 43–57.
27. Bourdieu P. The Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. J.G. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
28. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. М.: Ad Marginem, 1996. 288 с.
29. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p.
30. Роик В.Д. Социальное страхование: институциональный и финансовый анализ. М.: Финансы и статистика, 2020. 320 с.
31. Waldinger R.J., Schulz M.S. What's Love Got to Do With It? Social Functioning, Perceived Health, and Daily Happiness in Married Octogenarians // *Psychology and Aging*. 2010. Vol. 25, No. 2. P. 422–431.
- 31a. Waldinger R.J., Schulz M.S. *The Good Life: Lessons from the World's Longest Scientific Study of Happiness*. New York: Simon & Schuster, 2023. 352 p.
32. Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
33. Rosero-Bixby L., Dow W.H. Exploring Why Costa Rica Outperforms the United States in Life Expectancy: A Tale of Two Inequality Gradients // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016. Vol. 113, No. 5. P. 1130–1137.